

III. Риндлисбахер

ВЕРА ФИГНЕР И КОМИТЕТ ПОМОЩИ
ПОЛИТИЧЕСКИМ КАТОРЖАНАМ В РОССИИ
(1909–1917)

Вечером 28 ноября 1910 г. в Женеве шел холодный осенний дождь, но перед Salle Centrale в ожидании стояла довольно большая толпа. Афиши сообщали, что сегодня состоится публичное собрание Комитета помощи политическим каторжанам в России, или Парижского комитета, как его называли русские. Вечер в Женеве был организован председателем этого Комитета, известной русской революционеркой Верой Николаевной Фигнер (1852–1942), которая более двадцати лет провела в тюрьме. Сегодня она собиралась рассказать публике о карательной системе в России¹.

В половине девятого двери зала закрыли и Эдуард Клапаред (1873–1940), известный психолог и профессор Женевского университета, начал заседание. В своем докладе он говорил о Вере Фигнер и ее деятельности в русском революционном движении. Клапаред восторженно приветствовал борьбу русских за свободу. Профессор сравнил акции русских революционеров с женевскими реформаторами при Жане Кальвине (1509–1564), назвав их «наши реформаторы из России»: «Эти русские революционеры пожертвовали свою жизнь идеалам, каждый готов стать мучеником, мадам Фигнер является их почетнейшим воплощением» [Claparède 1910, p. 7–8]. После этого панегирика взяла слово сама Вера Фигнер. Она поведала публике о своей жизни в тюрьме Шлиссельбургской крепости, а затем рассказала собравшимся в зале о структуре карательной системы в Российской империи, включавшей административную ссылку, каторгу или ссылочное поселение. В заключение Фигнер читала из писем каторжан, описывавших ей свой быт в Сибири [Фигнер 1932, т. 3, с. 378–379].

Аудитория женевского зала была весьма разнообразной — русские радикалы, журналисты, представители местной буржуазии и университета. Большинство из них сочувствовали Вере Фигнер и русским радикалам, но были среди слушателей и лица, оплаченные царской охранкой. Так, один из этих агентов докладывал: «Публики собралось чрезвычайно много, человек 250–300 должны были уйти за недостатком мест; преобладал женский элемент женевского светского общества. Реферат прошел совершенно спокойно»². Заседание Комитета Веры Фигнер в Же-

¹ ABC. Journal d'information illustré. 23.11.1910. № 116. Р. 1; Journal de Genève. 29.11.1910. № 326. Р. 3; Ibid. 30.11.1910. № 327. Р. 4.

² О ссылочной Вере Фигнер // ГА РФ. Ф. Р-102 (ОО). Оп. 233 (1905). Д. 1281 (1). Л. 36.

неве имело такой успех, что его решили повторить несколько дней спустя. В итоге Комитет собрал почти 1000 франков³, немалую по тем временам сумму.

В настоящей статье я, опираясь на архивные документы Парижского комитета⁴, мемуары действовавших лиц и синхронную событиям прессу, дам ответы на вопросы: как В.Н. Фигнер удалось создать такую организацию, заполнить залы и собрать столько денег? Каковы были ее социальные связи, необходимые для подобной общественной деятельности? Я проанализирую, каким образом Вера Фигнер мобилизовала свои связи среди русских эмигрантов, чтобы создать Комитет. Уделю внимание вопросу, как именно данному Комитету удалось собрать средства и как он сотрудничал с другими благотворительными организациями российской эмиграции. В заключение я упомяну о трудностях и ограничениях, сопровождавших благотворительную работу.

Но сначала поближе познакомимся с нашей главной героиней. Вера Николаевна Фигнер происходила из богатой дворянской семьи Казанской губернии. Она была среди первых российских женщин, приехавших в Швейцарию учиться в университете⁵, и изучала медицину в Цюрихе, где познакомилась с представителями российской радикальной среды⁶. Вернувшись в Россию, Фигнер стала одним из самых активных деятелей революционного движения, членом партии «Народная воля» и участвовала в подготовке убийства императора Александра II в марте 1881 г. [Фигнер 1932, т. 1, с. 99–360]⁷. В 1884 г. она была арестована и осуждена на смертную казнь, впоследствии замененную пожизненным заключением, что способствовало укреплению образа Веры Фигнер как самоотверженной героини. Амнистированная императором Николаем II в 1904 г., она эмигрировала на Запад и стала активным членом Партии социалистов-революционеров (ПСР). После разоблачения одного из руководителей партии Е.Ф. Азефа как агента Департамента полиции Вера Фигнер в 1909 г. покинула ПСР⁸. Новое поприще на ниве революционной деятельности она нашла, познакомившись с женой известного анархиста Петра Кропоткина (1842–1921) Софьей (1856–1941). Проживавшая в Лондоне Софья Кропоткина в то время руководила благотворительной организацией, которая заботилась о революционерах, осужденных административным путем. В британской столице Вера Фигнер могла наблюдать, как Софья Кропоткина готовила заседания для сбора пощертований среди англичан, как она общалась с деятелями английского общества. В дальнейшем Фигнер с помощью Кропоткиной и сама выступала с докладами на подобных встречах. Казалось, что она нашла для себя новое революционное

³ Отчет Комитета помощи каторжанам за 1910 год // Там же. Ф. Р-6813. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁴ Парижский комитет им. В.Н. Фигнер // Там же. Ф. Р-6813; Устав Парижского комитета помощи политкаторжанам в России, балансы, отчеты, составленные Фигнер В.Н. и Пешковой Е.П. // РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 9.

⁵ О биографии Веры Фигнер см.: [Hartnett 2014; Rindlisbacher 2014]. О российских студентках в Швейцарии см.: [Neumann 1987].

⁶ О российских радикалах в Швейцарии в 1870-х гг. см.: [Meijer 1955; Knight 1975].

⁷ См. также: О государственной преступнице Вере Филипповой (она же Фигнер) // ГА РФ. Ф. Р-102 (7-е дел-во). Оп. 181 (1884 г.). Д. 747, ч. 4.

⁸ О деле Азефа см.: [Geifman 2000].

«дело» — распространять революционную пропаганду и одновременно помогать товарищам в российских тюрьмах [Фигнер 1932, т. 3, с. 318–339].

Вернувшись из Англии, 31 декабря 1909 г. Вера Фигнер пригласила своих друзей из ПСР на вечеринку в Париже и предложила им создать сеть филиалов в городах, где находились колонии российской эмиграции. Эти филиалы должны были организовывать заседания и собирать пожертвования среди местных жителей. Так при содействии товарищей Фигнер основала Комитет помощи политическим каторжанам в России и была избрана его председателем. Кроме Веры Фигнер к элитарному кругу руководителей Комитета принадлежали еще четверо: Давид Аитов (1854–1933), Вера Гоц (1861–1938), Мария Гольдсмит (1858–1932) и Софья Шейнцис. Все они являлись старыми почтенными деятелями революционного движения, близкими к ПСР [Фигнер 1932, т. 3, с. 359]. Спустя месяц ими была опубликована брошюра с уставом и целями Комитета⁹.

Вера Фигнер и ее товарищи знали, что после Революции 1905 г. внимание публики и левых партий на Западе было привлечено к правительенным мерам против российских радикалов и сочувствию жертвам царизма [Там же, с. 391]. В 1910 г. Фигнер поселилась в Швейцарии в деревне Кларан у Женевского озера [Там же, с. 360]. Оттуда ей удалось связаться с европейскими социалистами и общественными деятелями: Германом Грейлихом (1842–1925) и Фрицем Брупбахером (1874–1945) в Цюрихе, Генриеттой Роланд Гольст (1869–1952) в Голландии и Франсисом де Прессансе (1853–1914) в Париже [Там же, с. 376, 378, 385]. Каждый день в течение нескольких часов Фигнер вела переписку [Brupbacher 1935, S. 150–151]. Благодаря ее известности и связям в среде российской эмиграции филиалы Комитета были организованы в Льеже, Брюсселе, Женеве, Лозанне, Нанси и Мюнхене. В 1912 г. в Париже сформировалась еще одна автономная секция под наименованием Комитет помощи ссыльнопоселенцам [Фигнер 1932, т. 3, с. 383].

В эти годы Вера Фигнер много путешествовала по Франции, Бельгии и Швейцарии, участвовала в заседаниях и конференциях¹⁰, весьма схожих с тем собранием, о котором уже шла речь. Предыстория женевского заседания хорошо демонстрирует, какими методами пользовались Вера Фигнер и ее товарищи для привлечения общественного внимания к проблемам российских политзаключенных. Сперва Фигнер обратилась к старому товарищу времен «Народной воли» Алексею Баху (1857–1946), жившему тогда в Женеве¹¹. Бах был известным химиком и имел значительные связи со швейцарскими учеными [Деятели СССР 1989, с. 23–24]. Именно через него Вера Фигнер познакомилась с профессором Эдуардом Клапаредом, который согласился выступить с докладом на заседании Комитета в Женеве [Фигнер 1932, т. 3, с. 378–379]. Кроме того, в женевских газетах, например в ежедневной «ABC», за несколько дней до собрания публиковались статьи и репортажи о Вере Фигнер и карательной системе в России¹².

⁹ Брошюра Комитета помощи политическим каторжанам в России, 31-го января 1910 г. // IISH. Fritz Brupbacher Archive, 54.

¹⁰ О ссыльной Вере Фигнер // ГА РФ. Ф. Р-102 (ОО). Оп. 233 (1905). Д. 1281 (1). Л. 45.

¹¹ О связях среди российских эмигрантов и социалистов на Западе см.: [Polexe 2011].

¹² ABC. Journal d'information illustré. 23.11.1910. № 116. Р. 1.

Непосредственно перед началом заседания представители местной интеллигенции рассказывали собравшимся о героине вечера, после чего выступала сама Вера Фигнер. Ее рассказы о жизни в Шлиссельбургской крепости и зачитывание фрагментов из писем, присланных Фигнер политзаключенными, рисовали слушателям страшные картины о российских тюрьмах с варварским и жестоким режимом. Вера Фигнер и русские радикалы прекрасно знали, чем можно вызвать сочувствие влиятельных женевцев: они не утомляли публику рассказами об идеологии или террористических акциях — наоборот, представляли российских радикалов как самоотверженных борцов за свободу, ставших жертвами варварского правительства. Рассказы о героях и героинях и об их страданиях — вот что привлекло европейцев. Такой пропагандой русские революционеры и наполнили залы (заодно собирая пожертвования), и дискредитировали царское правительство.

В подобном духе Верой Фигнер была написана брошюра «*Les Prisons Russes*»: «Тюрьмы в России не изменятся, если не изменится государственный строй. В России нет свободы. Это государство осталось таким же самодержавием <...> со своими большими и маленькими агентами, каким оно было перед революцией [1905 г.]. Никаких прав человека и гражданина нет. Если этих прав лишаются даже те, кто живет на свободе, что ждет заключенного, закованного в кандалы?» [Figner 1913b, p. 50]. В ней Фигнер подробно описывала ужасы и беды российских политических заключенных. С помощью европейских сторонников ею были подготовлены немецкий, итальянский и румынский переводы текста [Figner 1911; 1912; 1913b], изданные в период с 1911 по 1913 г. Книга принесла Парижскому комитету дополнительные доходы, а имя Веры Фигнер стало известным не только в среде радикальных эмигрантов, но и среди левых европейских партий. Отметим также, что Парижский комитет оказался чрезвычайно успешным в сборе финансовых средств в Европе — в течение четырех лет ему удалось собрать около 140 000 франков [Фигнер 1932, т. 3, с. 390–394].

Между тем этот Комитет был не единственной организацией, помогавшей политическим заключенным в России. Как уже говорилось, в Англии активно действовала Софья Кропоткина; кроме того, существовал Krakovskij союз, с которым Парижский комитет координировал помощь в России. Данные организации пытались не соперничать между собой — каждая из них сосредоточивала внимание на определенном сегменте карательной системы в России и стремилась помочь политзаключенным «без различия партийности и национальности» [Багоцкий 1924, с. 102, 107; Фигнер 1932, т. 3, с. 381–384]¹³.

Председателем Krakovskij союза, состоящего в основном из большевиков, был Сергей Багоцкий (1879–1953), близкий товарищ В.И. Ленина [Багоцкий 1956]. После 1910 г. его филиалы появились в Лембергге, Вене, Берлине, Цюрихе и Берне. В отличие от элитарного Парижского комитета, Krakovskij союз, по словам Багоцкого, пытался мобилизовать для пропаганды широкие слои эмигрантов и местных рабочих [Багоцкий 1924, с. 106–107].

¹³ См. также: Брошюра «*Le martyre des détenus politiques aux bagnes russes*» 1913 г. // ГА РФ. Ф. Р-6813. Оп. 1. Д. 122. Л. 41–42.

Хотя между большевиками, меньшевиками и социалистами-революционерами велись острые споры, особенно в эмиграции, все российские радикалы были готовы сотрудничать в сфере помощи политическим заключенным. Организации, занимавшиеся подобной работой, поддерживали связи с центрами российской эмиграции не только по всей Европе, но и в США и в Австралии. Швейцария стала одним из перекрестков, где эти связи объединялись [Багоцкий 1924, с. 111]. Позже Сергей Багоцкий подчеркивал, что благотворительные акции особенно успешно проходили в Швейцарии [Там же], так как она была республиканской и нейтральной страной. Сотрудничество между Парижским комитетом и Krakowskим союзом является хорошим примером такого взаимодействия: если первая организация работала преимущественно во франкоговорящих странах, то вторая — в немецкоговорящих [Фигнер 1932, т. 3, с. 381–384]. Кроме того, в начале 1914 г. эти учреждения издавали совместный журнал «Вестник каторги и ссылки», также занимавшийся сбором средств, правда, выпущено было всего два номера [Багоцкий 1924, с. 105].

Парижский комитет и Krakowskий союз, как и другие благотворительные организации, занимались не только сбором денежных средств, но и их переводом в Россию. И переводить деньги было гораздо сложнее, чем собирать. Во-первых, российское правительство сделало всё, чтобы прекратить финансовую поддержку революционного движения с Запада. Во-вторых, по всей вероятности, и Вера Фигнер, и кассир Парижского комитета Давид Аитов не всегда точно знали, кому именно отправляли переводы [Фигнер 1932, т. 3, с. 392–393]¹⁴. В-третьих, случалось, что активисты сами растрачивали пожертвования, и даже ходили слухи, будто большие суммы присвоил себе С. Багоцкий.

С началом Первой мировой войны и Вера Фигнер, и Парижский комитет испытывали значительные трудности. Фигнер не имела стабильных доходов и регулярно получала средства от своих достаточно богатых братьев, один из которых, Николай Фигнер (1857–1918), был известным певцом. После начала войны в августе 1914 г. такие переводы стали невозможны, и зимой 1915 г. Вера Фигнер вернулась в Россию [Там же, с. 395–401]. Парижский комитет продолжал свое существование, но размер взносов стал значительно падать [Там же, с. 452–453]¹⁵. После Февральской революции 1917 г. Парижский комитет окончательно прекратил свою деятельность, однако неутомимая Вера Фигнер продолжала благотворительную работу для бывших политзаключенных и при Временном правительстве. Она собрала значительные суммы денег для поддержки возвращения на родину политзаключенных из Сибири и политэмигрантов с Запада, а также участвовала в финансировании известной поездки В.И. Ленина и его товарищей через Германию в Россию¹⁶.

После Гражданской войны Вера Фигнер продолжала общественное служение политическим заключенным в России. Вместе с Екатериной Пешковой (1876–

¹⁴ См. также: Отчет Комитета помощи каторжанам в Париже, 1911 г. // ГА РФ. Ф. Р-6813. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹⁵ См. также: Парижский комитет // РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 12–87; [Деятели СССР 1989, с. 253; Platten 1924, S. 21].

1965), первой женой писателя Максима Горького, она организовывала помошь для социалистов-революционеров и меньшевиков, находившихся в заключении при советской власти [Незапечатленный труд 1992, с. 429–442]. В 1922 г. Фигнер успела закончить свои мемуары, ставшие бестселлером не только в советской России, но и в Германии, Франции и Швейцарии [Фигнер 1922; *Nacht über Russland* 1926]¹⁷. В этот же период Сергей Багоцкий стал представителем советского правительства при Международном Красном Кресте в Женеве, а так как советская Россия не имела дипломатических отношений со Швейцарией, он оказался и неофициальным советским послом *de facto*¹⁸.

Вера Фигнер и ее деятельность в Парижском комитете являются превосходным примером взаимодействия между российскими эмигрантами, с одной стороны, и местной публикой — с другой. Несмотря на острые идеологические разногласия в среде российских политэмигрантов, они сотрудничали в сфере получения и распределения пожертвований для заключенных товарищей. Швейцария стала не только важным перекрестком этих благотворительных акций — именно здесь Комитету удалось собрать значительные суммы пожертвований.

Российские радикалы, в том числе и Вера Фигнер, понимали, что большинство швейцарцев или французов (особенно состоятельных) не интересовалось политическими или идеологическими вопросами, — их внимание привлекали прежде всего рассказы о героях и героянках, борющихся за свободу и страдающих при варварской власти. Эти рассказы казались местным слушателям необычными и пугающими. А любопытство публики позволило Вере Фигнер и ее товарищам собрать значительные суммы для революционного движения перед Первой мировой войной. Связи, возникшие в то время, не совсем прекратились и после 1918 г. Например, Сергей Багоцкий возобновил их в интересах советской власти.

Благодаря своей деятельности во имя заключенных Вера Фигнер стала знаменитым представителем революционного движения на Западе. Эта известность, несомненно, содействовала огромному успеху ее мемуаров среди европейских левых слоев в 1920–1930-х гг.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
IISH — International Institute of Social History

Багоцкий 1924 — Багоцкий С.Ю. Краковский союз помощи политическим заключенным // Каторга и ссылка. 1924. № 9. С. 99–115.
Багоцкий 1956 — Багоцкий С.Ю. В.И. Ленин в Кракове и Пронине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956. С. 438–456.

¹⁷ См. также: Переписка Фигнер В.Н. с издательством Malikverlag, 04.09.1924–27.05.1933 // РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 48. Л. 44, 115.

¹⁸ О деятельности С.Ю. Багоцкого в Швейцарии после войны см.: [Fayet 2014]. О швейцарско-советских отношениях см.: [Collmer 2003, S. 565–568; Gehrig 1997].

- Деятели СССР 1989 — Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.
- Незапечатленный труд 1992 — Незапечатленный труд: Из архива В.Н. Фигнер / публ. Я.В. Леонтьева и К.С. Юрьева // Звенья. М.; СПб., 1992. Т. 2. С. 429–442.
- Фигнер 1922 — *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. М., 1922.
- Фигнер 1932 — *Фигнер В.* Полн. собр. соч.: в 7 т. М., 1932.
- Brupbacher 1935 — *Brupbacher F.* 60 Jahre Ketzer. Zürich, 1935.
- Claparède 1910 — *Claparède E.* Introduction a la Conférence de Mme Véra Figner «Vingt ans dans la Bastille russe». Genève, 1910. P. 7–8.
- Collmer 2003 — *Collmer P.* Die Schweiz und das Russische Reich 1848–1919. Geschichte einer europäischen Verflechtung. Zürich, 2003. S. 565–568.
- Fayet 2014 — *Fayet J.-F.* VOKS. Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. Chêne-Bourg, 2014.
- Figner 1911 — *Figner V.* Les Prisons Russes // Die russischen Gefängnisse. Berlin, 1911.
- Figner 1912 — *Figner V.* Le carceri russe / Alighiero Tanini (transl.). Spezia, 1912.
- Figner 1913a — *Figner V.* Inchisorile rusești / Ekaterina Arbore (transl.). București, 1913.
- Figner 1913b — *Figner V.* Les prisons russes. Grenoble, 1913.
- Gehrig 1997 — *Gehrig Ch.* Beziehungslose Zeiten. Das schweizerisch-sowjetische Verhältnis zwischen Abbruch und Wiederaufnahme der Beziehungen (1918–1946). Zürich, 1997.
- Geifman 2000 — *Geifman A.* Entangled in Terror. The Azef Affair and the Russian Revolution. Wilmington, 2000.
- Hartnett 2014 — *Hartnett L.* The Defiant Life of Vera Figner. Surviving the Russian Revolution. Bloomington, 2014.
- Knight 1975 — *Knight A.* The Fritschi. A Study of Female Radicals in the Russian Populist Movement // Canadian American Slavic Studies. 1975. № 9. P. 1–17.
- Meijer 1955 — *Meijer H.M.* Knowledge and Revolution. The Russian Colony in Zurich 1870–1877. Amsterdam, 1955.
- Nacht über Russland 1926 — Nacht über Russland. Lebenserinnerungen von Wera Figner / Lilly Hirschfeld/Reinhold von Walter (transl.). Berlin, 1926.
- Neumann 1987 — *Neumann D.* Studentinnen aus dem Russischen Reich in der Schweiz. 1867–1914. Zürich, 1987.
- Platten 1924 — *Platten F.* Die Reise Lenins durch Deutschland im plombierten Wagen. Berlin, 1924.
- Polexe 2011 — *Polexe L.* Netzwerke und Freundschaft. Sozialdemokraten in Rumänien, Russland und der Schweiz an der Schwelle zum 20. Jahrhundert. Göttingen, 2011.
- Rindlisbacher 2014 — *Rindlisbacher S.* Leben für die Sache. Vera Figner, Vera Zasulič und das radikale Milieu im späten Zarenreich. Wiesbaden, 2014.